

Дженет Уинтерсон

Дженет
Уинтерсон

Тайнопись плоти

Издательство АСТ
Москва

С любовью — Пегги Рейнолдс

Благодарю за гостеприимство Дона и Рут Ренделл,
предоставивших мне место для работы,
Филиппу Брюстер, так много сделавшую
для выхода этой книги,
и сотрудников издательства «Джонатан Кейп»,
усердно работавших над подготовкой издания.

Почему любовь должна измеряться утратой?

Дождя не было уже три месяца. Деревья исследуют недра, буравя сухой грунт остриями корней, чтобы найти и вскрыть хоть какую-нибудь водную артерию.

Виноградные грозди засохли прямо на лозах. То, что должно было быть полным и твердым, сопротивляться касанию, прежде чем отдаться губам, сморщилось и увяло. Раньше мне доставляло удовольствие перекачивать пальцами темно-синие виноградины, выдавливая себе на ладони пахнущую мускусом мякоть. Но в этом году коричневые шкурки не привлекают даже ос. Даже ос. Так было не всегда.

Мне вспоминается сентябрь: Голуби Алый Адмирал Желтый Колос Оранжевый Закат. Ты сказала: «Я тебя люблю». Интересно, почему самое банальное, что мы можем сказать друг другу, все равно очень хочется слышать? «Я тебя люблю» — всегда цитата. Не ты первая сказала это, и не я, однако ты их произносишь, а я вслед за тобой, и мы говорим, как дикари, что выучили три этих слова

и твердят их, словно молитву. Тогда они были молитвой и для меня, но сейчас больше нет никого на скале, вытесанной из моего тела.

Вы речь мне дали только для того,
Чтоб проклинать. Заешь краснуха вас.
За то, что говорю я*.

Любовь требует выражения. Она не будет стоять тихо, ждать, не будет хорошо себя вести, не будет скромничать, мелькать поодаль, не шуметь, о нет. Она воздаст хвалы на языках, достигнет ноты столь высокой, что разобьет бокалы и расплещет то, что в них. Это вам не любовь к природе, это охота на крупную дичь. И дичь эта — вы сами. Будь она проклята, эта игра. И как можно выиграть, когда все меняется на ходу? Я назову себя Алисой, что играет в крокет, зажав под мышкой фламинго. В Стране чудес все хитрят, любовь — это и есть Страна чудес, не так ли? Любовью вращаются миры. Любовь слепа. Все, что вам нужно, — это любовь. Однако никто не умирает от разбитого сердца. Ничего — переживешь. Все будет иначе, когда мы поженимся. Подумай о детях. Время лечит все. Ты до сих пор ждешь своего принца? Принцессу? Или может быть, целого выводка маленьких принцев и принцесс?

Все беды от клише. Точные чувства требуют точности выражения. А если я не испытываю ничего точного, любовь ли это вообще? Любовь вызывает такой страх, что хочется запихать ее в грудь

* Ш е к с п и р. Слова Калибана из пьесы «Буря» (акт I, сцена 2, перевод М. Кузмина). — *Здесь и далее примеч. ред.*

выброшенных на помойку розовых и пушистых игрушек, а себе послать стандартную открытку: «Поздравляем с помолвкой!» Нет, что это я, совсем ум за разум зашел, нет никакой помолвки. Я изо всех сил смотрю в другую сторону, чтобы любовь меня не заметила. Я соглашусь на плохой пересказ, на небрежный язык, на ненужные жесты. На просиженное кресло клише. Все правильно, миллионы задов сидели в нем до меня. Пружины разболтаны, ткань вонюча и привычна. Чего мне бояться? И мои дед с бабкой так делали: вот, видите — это он, в стоячем воротничке и клубном галстуке, а вот она — в белом муслиновом платье, немного щурится на жизнь, что протекает где-то внизу. Они так поступали, мои родители так поступали, почему бы и мне так не поступить, а? Вот я стою, раскинув руки в стороны — нет, я не удерживаю тебя, просто пытаюсь сохранить равновесие, когда бреду сомнамбулой к тому креслу. Как мы будем счастливы. Как все будут счастливы. И все они жили долго и счастливо.

Жаркое августовское воскресенье. Я шлепаю по мелководью, где мальки дразнят солнышко животиками. По берегам реки на подлинной зеленой травке яркими пятнами психоделической живописи разбросаны спортивные шорты из лайкры и гавайские рубашки, сделанные на Тайване. Обычный семейный портрет — так любят позировать все семьи: брюхо папаши подпирает газету, мамаша скорчилась над термосом. Детки, худющие, как палки на прибрежных скалах, и обгоревшие, как сами скалы.

Увидев, как тыходишь в воду, мамаша вздымает телеса с полосатого пляжного стульчика:

— Бесстыжая! Здесь же дети!

Ты смеешься и машешь рукой, твое тело искрится под водой. Чистый изумрудный поток повторяет твои формы, поддерживает тебя, река хранит тебе верность. Ты переворачиваешься на спину, твои соски скользят на поверхности, а река украсила твои волосы бусами. Ты вся молочно-белая, только волосы, рыжие волосы вьются по бокам.

— Я сейчас позову мужа! Джордж, иди сюда! Сюда, Джордж!

— Ты что, не видишь? Я смотрю телевизор! — не оборачиваясь, бурчит тот.

Ты поднимаешься из реки, и вода стекает по твоему телу серебристыми ручьями. Забыв обо всем на свете, я иду к тебе прямо по воде. Целую тебя, ты обнимаешь меня — прохладные руки на моей обожженной спине. Ты говоришь:

— Здесь нет никого, кроме нас с тобой.

Я оглядываюсь: вокруг пустые берега.

Ты не хотела, чтобы мы бросались теми словами, что вскоре стали нашим личным алтарем. До встречи с тобой мне доводилось говорить их тысячу раз, бросать монетками в колодец желаний, надеясь, что они помогут мне стать собой. Слова слетали с моих губ по всякому поводу — но не тебе. Как незабудки девушкам, которые сами должны понимать, что к чему. Кнут и пряник. Конечно, мне противно думать о себе как о человеке неискреннем, однако если я говорю, что люблю, но вовсе этого не чув-

ствую, то как еще мне себя называть? Хочу ли я лелеять тебя, обожать тебя, уступать тебе, становиться ради тебя лучше? Хочу ли я, глядя на тебя, видеть тебя всегда? Всегда говорить тебе правду? И если любовь складывается не из этого, то из чего тогда?

Август. Мы спорим. Ты хочешь, чтоб в любви всегда так было, правда? 92 градуса по Фаренгейту в тени. Так интенсивно, так жарко, и чтобы солнце своей дисковой пилой вгрызалось в твое тело. Может, все дело в том, что ты из Австралии?

Ты не отвечаешь, просто держишься за мою горячую руку своими прохладными пальцами, а сама шагаешь дальше в своем шелке и льне. Я чувствую себя глупо. На мне шорты с татуировкой «РЕЦИКЛ» на одной половине. Смутно помню, была у меня когда-то подружка, которая считала, что разгуливать перед памятниками в шортах неприлично. Перед нашими свиданиями мне приходилось пристегивать свой велик на парковке Чаринг-Кросс и переодеваться в общественном туалете, прежде чем встретиться с ней у колонны Нельсона.

— К чему? — как-то пришло мне в голову. — Ведь у него всего один глаз.

— Зато у меня два, — поцеловала она меня в ответ. Глупо подкреплять нелогичность поцелуем, однако и я поступаю точно так же.

Ты по-прежнему не отвечаешь. Почему людям так нужны ответы? Отчасти потому, как мне кажется, что без ответа, неважно какого, вопрос вскоре начинает звучать ужасно нелепо. Попробуйте, стоя перед классом, спросить, какой город — столица

Канады. Глаза смотрят на вас, некоторые равнодушны, некоторые откровенно враждебны, а некоторые и вообще не смотрят. Вы снова задаете тот же вопрос. «Какой город — столица Канады?» И ожидая в молчании ответа, вы чувствуете себя совершенной жертвой, мало того — сами начинаете сомневаться. Какой город на самом деле — столица Канады? Оттава? Почему Оттава, а не Монреаль? Монреаль гораздо симпатичнее, там готовят хороший кофе эспрессо, к тому же у вас там живет друг. Да и вообще, какая разница, что у них за столица, все равно они ее, возможно, сменят в следующем году. Может, Глория сегодня придет вечером в бассейн. И так далее.

А вопросы посерьезнее, те, на которых не бывает одного ответа, те, на которых вообще не бывает ответов — в молчании с ними справиться сложнее. Раз высказанные, они не испаряются, не становятся мечтательной дымкой. Раз высказанные, они приобретают форму и плотность, цепляются за ноги на ступеньках, пробуждают ночью ото сна. Черная дыра поглощает все, что ее окружает, и даже свету от нее не спастись. А может, лучше вовсе ничего не спрашивать? Лучше быть довольной свиньей, чем неудовлетворенным Сократом? Но на сельскохозяйственных фермах со свиньями поступают хуже, чем с философами, поэтому я рискну.

Мы вернулись в снятую комнату и вдвоем легли на одну из односпальных кроватей. Во всех таких комнатах от Брайтона до Бангкока покрывала по цвету не соответствуют ковру, а полотенца слишком тонкие. Я подкладываю одно под тебя, чтобы не запачкать простыню. У тебя течет кровь.

Идея снять комнату принадлежала тебе, мы хотели быть вместе постоянно, а не только за обедом и ужином, не только за чаем в библиотеке. Вы тогда еще не развелись. Хотя мне угрызения совести не свойственны, опыт заставил меня испытать их в том, что касается благословенных союзов. Раньше мне казалось, что современный брак — зеркальное стекло витрины, что так и просит кирпича. Показуха, самодовольство, подхалимаж, скупость, себялюбие. Вот двигаются по улице две супружеские пары — мужчины вместе впереди, женщины в хвосте, ни дать ни взять цирковая упряжка. Мужчины подносят от стойки джин с тоником, женщины удаляются в туалет со своими ридикюлями. Так быть не должно, но чаще всего так есть. Мне пришлось повидать много браков. Нет, не как главному действующему лицу — всего лишь с галерки. И мне стало ясно, что всегда повторяется одна и та же история. Примерно так:

Интерьер. После полудня.

Спальня. Занавески полураздвинуты. Разметанные простыни. На кровати, глядя в потолок, лежит нагая женщина определенного возраста. Она хочет что-то сказать. Ей трудно. Из кассетника доносится голос Эллы Фицджералд: «Леди поет блюз».

Нагая женщина:

Я хотела сказать тебе, что обычно этим не занимаюсь. Наверное, это называется адюльтер. (*Смеется.*) Никогда не занималась этим прежде. И не знаю, смогу ли еще раз решиться. Ну, с кем-то еще,